

ISSN 0869-4427

Отечественные
АРХИВЫ

4

2021

Отечественные

АРХИВЫ

4
2021
научно-
практический
журнал

Издается с 1923 года. Выходит один раз в два месяца.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

История, теория и практика архивного дела и делопроизводства

- А.Г. Румянцев.** Образ петербургского архивиста конца XIX – начала XX в. 3
- Б.С. Илизаров.** Социальная память и архивы: историографический и практический аспекты 18
- Г.Н. Ланской.** Профессиональный стандарт специалиста архива: концепция, структура, перспективы использования 31
- Н.М. Осипова.** Архив Российской академии наук: результаты научно-исследовательской работы (2013–2020 гг.) 37
- М.А. Кондратьева.** Архивы Удмуртии в год пандемии: новые подходы и проверенные решения 44
- И.И. Вишев.** Объединенный государственный архив Челябинской области в условиях пандемии 48

В фондах российских архивов

- М.В. Ходяков.** Документы архивов Санкт-Петербурга и Российского государственного архива экономики о работе кондитерской промышленности Ленинграда в годы блокады. 1941–1944 гг. 52
- Н.Е. Алексеева.** Н.П. Ундольский – хранитель памяти (по документам семейного фонда в Госархиве Владимирской области) 61
- И.К. Богомолов.** Архивные документы к биографии инженера путей сообщения и публициста Н.Б. Емельянова 69

Представляем архив

- Л.В. Соломина, Ю.М. Шадрина.** Пуровский муниципальный архив Ямало-Ненецкого автономного округа 77

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

К 80-летию начала Великой Отечественной войны

- «Немцы каждый вечер ползли по небесам в известном направлении на Москву». Из воспоминаний художницы Ю.Г. Араповой, 1941 г. Публ. **Ю.С. Филиной** 85
- «Москву язвили ранами немецкие вороны, налетающие стаями...» Воспоминания директора Историко-архивного института профессора П.П. Смирнова (22 июня 1941 г. – 12 мая 1942 г.). Публ. **Т.И. Хорхординой**. 101

История, теория и практика архивного дела и делопроизводства

УДК 930.25(091)

А.Г. Румянцев

**Образ петербургского архивиста
конца XIX – начала XX в.**

Ключевые слова: образ петербургского архивиста, архивы органов городского общественного самоуправления и учреждений Санкт-Петербурга, штаты, архивариус, личное дело, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

К середине XIX в. архивная служба в России, ведущая начало от разработанного по инициативе Петра I Генерального регламента, вступила в очередной этап своего развития. В ходе реформ 1860-х гг. произошло упразднение значительной части учреждений: вместо них создавались новые, другие же преобразовывались. Модернизация страны коснулась и архивного дела. Начались реорганизация действовавших и создание новых архивов, в частности при органах земского и городского самоуправления; позднее стали открываться губернские ученые архивные комиссии. Развернулся массовый прием документов учреждений, упраздненных в ходе Великих реформ Александра II.

В пореформенную эпоху в Санкт-Петербурге–Петрограде существовало множество учреждений разного профиля, как государственных, подчиненных министерствам, ведомствам и органам городского самоуправления, так и частных. Практически все они имели собственное делопроизводство и архивы, которыми заведовали архивариусы, нередко являвшиеся по совместительству делопроизводителями и журналистами. В настоящее время сохранившиеся фонды дореволюционных учреждений оказались рассеяны по разным архивам, музеям, библиотекам и научным организациям. В частности, в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА СПб) на хранении оказалось 1986 таких фондов общим объемом почти 1,9 млн дел.

Опираясь на документы ЦГИА СПб, автор настоящей статьи попытался воссоздать типичный портрет архивиста пореформенной эпохи и показать его возраст и социальную принадлежность, образовательный уровень, семейное и материальное положение, профессиональные заболевания, общественный статус. Изучение справочных изданий, в том числе адресных и справочных книг («Весь Петербург», «Весь Петроград», «Адрес-календари. Общая роспись начальствующих

и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи» и др.), позволило определить персональный состав сотрудников в общей сложности двух десятков архивов органов городского общественного самоуправления (Санкт-Петербургские (Петроградские) городские дума и управа) и крупных учреждений. Однако сохранность их фондов оказалась далеко не полной, и первоначально удалось выявить лишь 13 личных дел архивистов по семи фондам, дальнейшее же изучение последних позволило дополнительно обнаружить еще 12 личных дел. Таким образом, воссоздание портрета петербургского архивиста пореформенной эпохи с применением просопографического метода исследования базировалось на изучении 25 личных дел конца XIX – начала XX в. с формулярными списками и прошениями, анкетами, медицинскими свидетельствами и другими сопутствующими документами по личному составу.

Как показывают документы ЦГИА СПб, штаты архивов обычно включали начальника и одного-двух подчиненных. К примеру, по «именному штату С.-Петербургской городской управы» 1874 г. архив органов городского общественного самоуправления, или так называемый городской архив, предполагал наличие архивариуса «для дел», являвшегося одновременно заведующим, его помощника и архивариуса «для планов»¹. На основании высочайше утвержденного 30 декабря 1876 г. штатного расписания С.-Петербургского градоначальства и С.-Петербургской городской полиции в состав полицейского архива входили начальник и два его помощника², что сохранялось неизменным до 1917 г.³ Отметим еще одну категорию служащих – вольнонаемные писцы, которые нанимались на сезонные работы, главным образом для описания документов архива. Так, в 1871 г. для описания 10 тыс. дел городского архива, располагавшегося в здании городской думы, помимо трех архивариусов было привлечено двое писцов⁴.

Поскольку сотрудники архивов подчас находились на низших ступенях служебной иерархии, в их личных делах встречаются многочисленные прошения о предоставлении дополнительных денежных выплат, пенсий и пособий. Сказывалось и стремление архивистов соответствовать статусу представителей своего ведомства, у которых были собственный дом или квартира в престижном районе, выезд, прислуга и пр. Эти документы отличаются яркой эмоциональной окраской и свидетельствуют не только о непростом материальном положении просителей, но также о слабости институтов социального обеспечения. Изучение подобного рода источников позволяет оценить как место, занимаемое архивистами в социальной структуре пореформенной России, так и восприятие ими своего положения в обществе.

Рассмотренные нами документы выявленных 25 личных дел показывают, что десять архивистов трудились в городском архиве, который состоял из архивов: общего (управленческая документация и документы по личному составу), планового и межевых дел. Подчинялись они разным отделениям С.-Петербургской (Петроградской) городской управы: общий – распорядительному, плановый – техническому, межевой – отделению городского благоустройства⁵. В числе их сотрудников следует отметить заведующих общим архивом Ф.Ф. Прохорова (1911–1915 гг.) и К.И. Грацианского (1915–1919 гг.)⁶, плановым – Е.И. Ферри-де-Пиньи (1880–1904 гг.), И.И. Климова (1904–1915 гг.) и П.Ф. Дерягина (1915–? гг.)⁷,

межевым – М.А. Дитмара (1904–1917 гг.) и П.В. Панкова (1917–? гг.)⁸. К числу служащих архива органов городского самоуправления относились архивист городской управы Н.М. Махов (1894–1911 гг.), помощник заведующего межевым архивом Н.Н. Львов (1911–1915 гг.) и писец планового архива Г.И. Морошкин (1904–1909 гг.)⁹.

Пятеро архивистов: И.М. Пахомов (1862–1868 гг.), А.Д. Елизов (1871–1877 гг.), П.Г. Безсонов (1878–1887 гг.), А.П. Воронов (1887–1904 гг.) и Г.П. Воронов (1904–1918 гг.) служили в архиве С.-Петербургского (Петроградского) университета, располагавшегося на Университетской наб., 7–9¹⁰; двое: И.Г. Горлов и В.А. Базилевский – в архиве С.-Петербургского воспитательного дома (наб. р. Мойки, 52) соответственно в 1884–1891 гг. и 1906–1907 гг.¹¹, а И.И. Белецкий – в архиве канцелярии попечителя С.-Петербургского учебного округа (Загородный пр., 49) в 1909–1911 гг.¹² Трое архивистов: В.А. Львов, С.П. Песков и М.Н. Знаменский трудились в архиве С.-Петербургской духовной консистории (Невский пр., 178) последовательно в 1897–1901, 1901–1902, 1905–1907 гг.¹³, еще трое: А.В. Назоров (1900 г. – после 1917 г.), П.А. Лютовский (1915 г. – после 1917 г.) и В.В. Подгородников (1909–1916 гг.) – в общем полицейском архиве (наб. Екатерининского канала, 103)¹⁴, а В.К. Домашевский успел поработать в архивах Первого департамента Правительствующего сената (Сенатская пл.) и Петроградского окружного суда (1915–1917 гг.) (Литейный пр., 4; Шпалерная ул., 23 и Захарьевская ул., 2)¹⁵.

Социальное положение архивистов существенно различалось. Из 25 человек восемь являлись представителями дворянства (В.А. Базилевский, П.Г. Безсонов, И.Г. Горлов, В.К. Домашевский, Н.Н. Львов, П.А. Лютовский, И.М. Пахомов, Е.И. Ферри-де-Пиньи)¹⁶, пятеро – духовенства (И.И. Белецкий, К.И. Грацианский, М.Н. Знаменский, В.А. Львов, С.П. Песков)¹⁷, четверо – из семей военнослужащих (А.П. Воронов, Г.П. Воронов, А.Д. Елизов, В.В. Подгородников)¹⁸, по двое – потомственные почетные граждане (И.И. Климов, Н.М. Махов)¹⁹, мещане (П.Ф. Дерягин, Ф.Ф. Прохоров)²⁰ и выходцы из среднего и низшего чиновничества (А.В. Назоров, П.В. Панков)²¹ и один из крестьян (Г.И. Морошкин)²². Сведений о социальной принадлежности М.А. Дитмара не выявлено.

Образовательный уровень также различался. Лишь у четверых из 25 архивистов было высшее образование (В.А. Базилевский, А.П. Воронов, К.И. Грацианский – выпускники С.-Петербургского университета, Ф.Ф. Прохоров – С.-Петербургского археологического института)²³. Шестеро получили среднее или неполное среднее образование. Так, В.К. Домашевский, Н.Н. Львов и А.В. Назоров имели неоконченный курс 5-й Варшавской мужской гимназии, гимназии Гуревича и Историко-филологического института соответственно²⁴, Г.П. Воронов был выпускником Военно-юридического училища (будущей Александровской военно-юридической академии), чей курс приравнивался к среднему образованию²⁵, Е.И. Ферри-де-Пиньи – Гатчинского сиротского института, П.В. Панков – Новинской учительской семинарии²⁶. Четверо обладали духовным образованием: М.Н. Знаменский и С.П. Песков окончили духовную семинарию в С.-Петербурге, В.А. Львов – в Казани, И.И. Белецкий курс обучения в семинарии не завершил²⁷. Двое архивистов (И.И. Климов и Н.М. Махов) получили начальное образование,

пройдя обучение в Купянском трехклассном и Владимирском уездном училищах соответственно²⁸. Еще пятеро (П.Г. Безсонов, И.Г. Горлов, А.Д. Елизов, И.М. Пахомов, В.В. Подгородников) имели домашнее образование²⁹, П.А. Лютовский окончил курс экстерната³⁰; сведений об уровне образования троих (П.Ф. Дерягина, М.А. Дитмара и Г.И. Морошкина) найти не удалось. Отсутствие диплома создавало помехи в карьере, поскольку высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 3 мая 1871 г. «О порядке испытаний на первый классный чин и на звание аптекарского ученика» для производства в низший классный чин требовалось успешно сдать экзамен за курс уездного училища³¹.

Удалось установить возраст 22 архивистов. Из них восемь (А.П. Воронов, И.Г. Горлов, П.Ф. Дерягин, И.И. Климов, В.А. Львов, Н.Н. Львов, А.В. Назоров и С.П. Песков) поступили на архивную службу в промежутке между 20 и 30 годами. Еще семеро (П.Г. Безсонов, И.И. Белецкий, В.К. Домашевский, А.Д. Елизов, М.Н. Знаменский, Н.М. Махов и В.В. Подгородников) стали архивистами в интервале между 31 и 40 годами, а пятеро (Г.П. Воронов, П.А. Лютовский, П.В. Панков, И.М. Пахомов и Ф.Ф. Прохоров) – между 41 и 50 годами. Самыми старшими по возрасту являлись Е.И. Ферри-де-Пиньи и К.И. Грацианский (первый был зачислен на архивную службу в 54 года, второй – в 61 год).

Большинство архивистов при поступлении на службу имели опыт канцелярской работы в иных учреждениях, будучи состоявшимися специалистами в сфере делопроизводства. Для девяти архивная служба являлась вершиной карьеры. Так, заведующий полицейским архивом А.В. Назоров и его помощники П.А. Лютовский и В.В. Подгородников перед началом службы в архиве трудились в полицейских управлениях Одессы, Варшавы и в канцелярии столичного градоначальника³². Е.И. Ферри-де-Пиньи к моменту занятия в 1880 г. должности заведующего плановым архивом успел поработать архитектором чертежной Правления 1-го округа путей сообщения и городской управы³³. И.И. Климов, М.А. Дитмар и П.В. Панков прошли путь от рядовых писцов до заведующих плановым и межевым архивами³⁴. Подобным послужным списком обладали Г.П. Воронов, в прошлом служащий Варшавского, Благовещенского окружных судов и окружного суда Амурской области, и матрос Морского учебного экипажа И.М. Пахомов, поднявшийся до должности архивиста С.-Петербургского (Петроградского) университета³⁵.

Для шестерых служба в архиве являлась либо промежуточным звеном в карьере, либо ее финалом. Так, П.Г. Безсонов, начав путь с места архивиста С.-Петербургского университета, впоследствии занимал посты секретаря правления университета, секретаря по студенческим делам и помощника инспектора студентов³⁶. То же относится и к А.П. Воронову, архивисту университета, автору учебного пособия «Архивоведение»³⁷, более известному как преподаватель архивоведения в С.-Петербургском археологическом институте³⁸. В.А. Львов первоначально служил в Казанской духовной консистории, а к концу жизни перекочевал в Якутскую духовную консисторию. Такие же выходцы из церковной среды С.П. Песков и М.Н. Знаменский после работы в консистории перешли в состав клира церкви Св. Марии Магдалины на Малой Охте и Преподобного Сергия Радонежского на Новосивковской улице³⁹. Для К.И. Грацианского архивная

служба стала финалом карьеры, поскольку до этого он имел опыт секретарской работы в Департаменте таможенных сборов и нескольких портовых таможнях, являлся директором ряда учебных заведений⁴⁰. Лишь для Н.М. Махова городской архив стал единственным местом службы, что неудивительно, поскольку его отец, М.Н. Махов, в 1873–1874 гг. разбирал архив Распорядительной думы⁴¹.

Отдельно следует сказать о судьбе мещанина Ф.Ф. Прохорова, выпускника Технической артиллерийской школы и С.-Петербургского археологического института, который до поступления на службу в городскую управу заведовал чертежной С.-Петербургского арсенала, был смотрителем зданий и казначеем С.-Петербургского политехнического института⁴². Свой переход на менее оплачиваемую должность заведующего плановым архивом Ф.Ф. Прохоров объяснял эмоциональным выгоранием на предыдущей службе, где был «поглощен самыми мелочными заботами и хлопотами по огромному хозяйству, вращаясь в сфере житейских и служебных мелочей». По своей должности Ф.Ф. Прохорову приходилось постоянно заниматься проблемами студенчества в плане устройства балов, концертов, собраний, разнообразных сходок. С горечью он отмечал: «...самоубийства студентов и других живущих в Институте, обыски, аресты их также не обходятся без моего участия. И все это изо дня в день без всякого просвета в будущем продолжается свыше 8 лет... Сознание, что мною потрачены лучшие годы моей жизни, может быть, на необходимую и полезную, но во всяком случае слишком неблагоприятную деятельность, все чаще и чаще пронизывает мозг мой»⁴³. В декабре 1910 г. Ф.Ф. Прохорову поручили составление истории С.-Петербургского арсенала, отметившего в 1914 г. свое 200-летие, а 20 июня 1914 г. наградили орденом Св. Станислава 2-й ст. за участие в подготовке издания «Акты и документы, относящиеся к истории С.-Петербургского городского управления и города Петербурга в эпоху Отечественной войны» – первого печатного труда С.-Петербургского городского архива⁴⁴.

Однако архивную службу назвать спокойной затруднительно. По роду деятельности архивисты оказывались перегружены различными обязанностями. Еще на основании высочайше утвержденного 2 января 1845 г. «Учреждения губернских правлений» им вменялось принимать дела через три года после окончания делопроизводства и размещать их в шкафах или на стеллажах, причем в связках с ярлыками с указанием года поступления, наименования учреждения-сдатчика, номера связки, а также начальной и конечной дат дел. В задачи архивистов входило создание научно-справочного аппарата – настольных реестров (делопроизводственных описей), алфавитов и топографических указателей к ним. Наконец, они должны были заниматься выделением к уничтожению дел, в частности ревизионного стола, о бессрочных отпусках, передвижении и расквартировании войск, о высылке лиц, об арестантах и пр. Составление соответствующих описей контролировалось особыми комиссиями, в состав которых входили представители губернского правления, губернский стряпчий и третье лицо по усмотрению губернатора. Признанные ненужными документы продавались как макулатура на бумажные фабрики⁴⁵. В последней четверти XIX – начале XX в. в работе особых комиссий был активно задействован учрежденный в 1877 г. С.-Петербургский археологический институт. Он развивался как научное и высшее учебное

заведение, принимая участие в обсуждении проектов централизации архивного дела, в реформе губернских ученых архивных комиссий, деятельностью которых заведовал и руководил⁴⁶.

С ростом документооборота учреждений пореформенной эпохи должностные обязанности архивистов расширились⁴⁷. К примеру, в городском архиве с 1876 г. установилась практика, когда по истечении каждого года архивариус городской управы составлял особые и подробные описи делам, подлежащим уничтожению, и представлял их для утверждения заведующему архивом. Такая опись после проверки членами управы передавалась на рассмотрение С.-Петербургского губернского и столичного статистического комитета, а после получения разрешения управы дела уничтожались⁴⁸. В прошении члену городской управы И.П. Медведеву об увеличении жалованья в 1906 г. заведующий плановым архивом И.И. Климов указывал, что в его функции входят прием утвержденных планов (от 1200 до 1600 в год), распределение их по частям города и занесение каждого в общую книгу, ведение инвентарей архива, постановка на планы штемпелей и картонирование планов в архивные папки. Среди других обязанностей заведующего были прием ежегодно 4–5 тыс. дел от технического отделения городской управы и выдача до 1300 планов сотрудникам отделений, оценочной комиссии, двум старшим техникам, участковым архитекторам и начальнику чертежной той же управы, проверка выдаваемых и возвращаемых планов, а также выдача справок участковым архитекторам и землемерам, «число коих учету не подлежит». Дополнительно в задачи заведующего входило поддержание надлежащих условий хранения, организация розыска документов и передача в межевой архив городской управы дел, не подлежащих хранению в плановом архиве⁴⁹. В связи с награждением архивиста городской управы Н.М. Махова по случаю 25-летия службы члены управы отмечали, что он едва ли не один занимался перевозкой документов в разные архивохранилища и добивался уничтожения списанных еще в 1860-е гг. документов городского архива. В 1890 г. Н.М. Махов участвовал в приеме в архив документов ликвидированных ссудных касс, в 1900–1901 гг. – в приведении в порядок архивохранилища у Нарвских ворот и на Скотопригонном дворе, в 1901 г. являлся постоянным членом комиссии городской управы по пересмотру дел городского архива, хранившихся у Нарвских ворот⁵⁰, и «особой комиссии городской управы по пересмотру старых дел» под председательством В.А. Тройницкого⁵¹. В рапорте архивиста С.-Петербургского университета Г.П. Воронова на имя ректора университета Э.Д. Гримма от 27 августа 1912 г. о необходимости назначения в архив писца указывалось, что, помимо основной обязанности – приема дел и составления на них карточного указателя, сам он был вынужден вести работы по наведению справок по требованиям канцелярий и факультетов, а также заниматься разбором архивных дел за прошлые годы. На основании заключения комиссии по приведению архива университета в порядок от 26 ноября 1909 г. архивиста следовало освободить от несения обязанностей вне архива, а в помощь ему назначить еще одного служителя⁵². Острый недостаток рабочих рук был свойствен и другим архивам. Чрезмерная загруженность приводила к невозможности исполнения ряда необходимых работ, в том числе по составлению топографии архива, общего архивного инвентаря и пр.⁵³

Увеличение должностных обязанностей архивистов заметно контрастировало с невысоким уровнем их содержания. Имелась естественная дифференциация в размерах оплаты труда между начальниками архивов и рядовыми служащими. Помимо этого сотрудники государственных учреждений, таких как архив С.-Петербургского (Петроградского) университета или полицейский архив, приравнивались к чиновникам, находившимся на государственной службе и обладавшим правами на пенсию, а сотрудники городского архива их не имели. Об этом свидетельствует прошение Ф.Ф. Прохорова на имя петербургского городского головы И.И. Глазунова от 28 декабря 1910 г., в котором будущий заведующий плановым архивом прямо указывает на потерю им при переходе на службу в городскую управу права на государственную пенсию⁵⁴.

В начале XX в. заведующие в городском архиве: плановом (Е.И. Ферриде-Пиньи) и межевом (М.А. Дитмар) получали 1300–1400 руб. в год⁵⁵, общий (Ф.Ф. Прохоров) – 1000 руб. в год и квартиру натурой⁵⁶, т.е. чуть более 100 руб. в месяц. Жалованье рядовых служащих архивов городского общественного управления колебалось от 20 до 40 руб. в месяц⁵⁷. Примерно такой же оклад был у архивистов С.-Петербургского университета – по 490–500 руб. в год, или чуть более 40 руб. в месяц⁵⁸. По 900 руб. в год, или по 75 руб. в месяц, получали архивисты С.-Петербургской духовной академии, однако следует отметить, что в эту сумму входило дополнительно 300 руб. из местных епархиальных средств⁵⁹. И лишь у одного из них, П.Г. Безсонова, годовое жалованье достигало 1500 руб., или 125 руб. в месяц, что объясняется совмещением ряда должностей⁶⁰. Наиболее оплачиваемой оказывалась служба архивистов полицейского архива. Так, помимо квартиры заведующий А.В. Назоров получал 1000 руб. в год (83 руб. в месяц), а его помощники П.А. Лютовский и В.В. Подгородников – по 800 руб. в год без квартиры (66 руб. в месяц)⁶¹. В годы Первой мировой войны оплата труда архивистов немного возросла. Например, заведующий плановым архивом И.И. Климов получал 1800 руб. в год, а его заместитель П.Ф. Дерягин – 600 руб. в год⁶², т.е. ежемесячно 150 руб. и 50 руб. соответственно. Дальнейшее увеличение произошло в 1917 г. Так, К.И. Грацианский из общего архива получал 2700 руб. в год (или 225 руб. в месяц)⁶³, заведующий полицейским архивом – 237 руб. в месяц вместе с квартирой, а его помощники – по 162 руб. в месяц⁶⁴, но в условиях инфляции революции 1917 г. эти прибавки обесценивались.

Средний уровень жалованья около 100 руб. в месяц и ниже не мог обеспечить безбедное существование даже холостым архивистам⁶⁵. Из 25 таковых оказалось шестеро, о семейном статусе двоих сведений нет. В оставшихся семьях 17 архивистов было в среднем по двое детей, т.е. жалованье распределялось на семью из четырех человек. Средняя величина душевого дохода на члена семьи колебалась от 10 до 25 руб. в месяц. При этом 54 % бюджета у семейных и 45 % у одиноких шло на питание (вместе с расходами на табак и алкоголь), 15–21 % – на оплату квартиры и расходы по ее содержанию, 15–17 % – на одежду, обувь и белье; на удовлетворение духовных потребностей тратилось 5–7 %, на лечение – 1 %⁶⁶.

Личные дела архивистов наполнены весьма эмоциональными прошениями о выдаче пособий и увеличении пенсии за многолетний труд, размер которой был ниже годового оклада⁶⁷. Примером тому служит личное дело заведующего пла-

новым архивом Е.И. Ферри-де-Пиньи. Он в своем прошении в городскую управу за 1904 г. о назначении усиленной пенсии указывал, что, несмотря на 42 года службы в городском общественном управлении, вынужден уходить в отставку по состоянию здоровья без всяких средств к существованию. Лишь после ряда подобных прошений решением городской думы от 19 мая 1904 г. Е.И. Ферри-де-Пиньи получил единовременную награду в размере 12 тыс. руб., а постановлением городской управы от 21 мая 1904 г. ему была назначена пенсия в размере 858 руб. в год⁶⁸. В личном деле архивиста городской управы Н.М. Махова, имевшего весьма неплохое для архивистов содержание (на 1896 г. – 125 руб., а на 1907 г. – 237 руб. 50 коп. в месяц), сохранилось 29 прошений за 1896–1907 гг. о предоставлении ссуды в размере ежемесячного жалования с рассрочкой на три-четыре месяца и выдаче пособий⁶⁹. Единственным, кто смог получить пенсию в размере своего оклада в 1500 руб., оказался П.Г. Безсонов⁷⁰.

Практически никто из архивистов не имел дополнительного или пассивного дохода. Лишь Е.И. Ферри-де-Пиньи и Н.Н. Львов обладали недвижимостью: первый – двумя благоприобретенными домами в Гатчине⁷¹, которые, как следует из его многочисленных прошений, не приносили дохода, второму достались в наследство от матери каменный дом на углу Лермонтовского пр. и Канонерской ул., 17/2 и дача в Озерках по Сергиевской ул., 47². Остальные архивисты проживали на съемных квартирах: либо вдалеке от архивохранилищ, как правило, на городских окраинах (Ф.Ф. Прохоров – в Лесном участке на Английском пр., 16⁷³, П.В. Панков – в Выборгской части на Сердобольской ул., 7, 19 и 31⁷⁴, П.Г. Горлов – в Новой Деревне на Земском пер., 81⁷⁵), либо в стороне от центра города, преимущественно в Коломенской, Нарвской и Александроневской его частях. Так, Е.И. Ферри-де-Пиньи проживал по Чернышеву пер., 24 и Б.Монетной ул., 7⁷⁶, К.И. Грацианский – на наб. р. Фонтанки, улицах 116-й и 1-й Роты Измайловского полка, 7–9⁷⁷, И.И. Климов – на Вознесенском пр., 31, Б.Зелениной ул., 5 и Б.Разночинной ул., 19 А⁷⁸, М.А. Дитмар – на Гончарной ул., 26 и Невском пр., 111⁷⁹, Н.М. Махов – на Б.Московской ул., 1–3 и Матвеевской ул., 11⁸⁰ и т.д. Но были и те, кто жил в зданиях архивов: общего полицейского (А.В. Назоров)⁸¹ и университетского (П.Г. Безсонов)⁸². Недалеко от своего места службы в университете проживали (5-я линия Васильевского острова, 30) братья А.П. и Г.П. Вороновы⁸³.

Условия труда большинства архивистов оставляли желать лучшего. К примеру, документы городского архива располагались в четырех архивохранилищах: в здании С.-Петербургской (Петроградской) городской думы на Невском пр., 31–33 (частично в подвале); у Нарвских ворот (в сырых переполненных помещениях и даже на полу); в сарае на Скотопригонном дворе на углу Забалканского пр. и наб. Обводного канала (там из-за сырости журналы Думы за 1808–1826 гг. превратились в труху) и, наконец, в амбаре на Гагаринском буяне⁸⁴ на стрелке Петроградской стороны. В последнем помещении окна и электрическое освещение отсутствовали, и служащие работали или при открытых на улицу больших железных воротах, либо пользуясь фонарем⁸⁵. Находиться же здесь, как и в остальных архивохранилищах, в зимнее время было невозможно⁸⁶. Так, заведующий плановым архивом Е.И. Ферри-де-Пиньи указывал, что после перевода документов

на нижний этаж здания городской думы зимой в помещении без какого-либо отопления температура не превышала 7 градусов по Реомюру (8,75 °С), «откуда зимой я возвращался домой весь ооченелым, с холодными как лед ногами и руками»⁸⁷. Несколько лучше оказались условия работы в общем полицейском архиве, где предусмотрели комнаты архивариуса и для разбора дел, имелись отопление, общая кухня и ватерклозет⁸⁸.

Непростые условия труда приводили к росту профессиональных заболеваний среди служащих архивов⁸⁹. Практически все они страдали болезнями, вызванными сидячей работой и пребыванием в сырых и холодных помещениях. Среди них упоминаются варикозное расширение вен с образованием язв на нижних конечностях, приводившее в конечном итоге к артериосклерозу, расстройству речи и полной инвалидности (Е.И. Ферри-де-Пиньи)⁹⁰, геморрой (Н.М. Махов)⁹¹, малокровие (Н.М. Махов, П.Ф. Дерягин)⁹², суставной ревматизм (П.В. Панков)⁹³, желудочно-кишечные заболевания, болезни органов дыхания из-за работы с пыльными делами (П.Г. Безсонов, А.П. Воронов, И.И. Климов, Н.Н. Львов, Н.М. Махов)⁹⁴. Иногда финалом архивной службы становились чахотка (И.М. Пахомов)⁹⁵ и паралич (И.Г. Горлов)⁹⁶.

Реконструируемый портрет петербургского архивиста конца XIX – начала XX в. весьма близок к образу Фисуна из рассказа И.А. Бунина «Архивное дело». В нем изображен канцелярский служащий земской управы, невысокого роста, согбенный, с могильным голосом и выцветшими глазами, отражавшими великую усталость. Болезненный, с обезображенной ревматизмом рукой, Фисун на самом деле являлся профессионалом своего дела, убежденным в том, что «ни единое человеческое дело немыслимо без архива»⁹⁷. Всю жизнь проработавший в «сводчатых подземельях», при своем трудолюбии и внутренней скромности Фисун был бескорыстен, не имел карьерных амбиций, но обладал профессиональной гордостью, чувствуя себя «полным господином архивных недр». Однако его самоотверженный труд оставался без внимания и признания современников, которым архивная служба представлялась лишь многочисленными полками с «грудами пыльного и уже ни единой живой душе не нужного хлама», а сам архивист – в образе Харона, могильщика⁹⁸. Бунинский Фисун как будто списан с биографии архивиста городской управы Н.М. Махова и подобен образу Акакия Акакиевича из гоголевской «Шинели», перенесенному в начало XX в.: их объединяют портретные характеристики, образ жизни, нелепость и какая-то детская незащищенность.

Как представляется, рядовой петербургский архивист пореформенной эпохи вполне соответствует образу «маленького человека» классической русской литературы. Это разночинец из мещан, потомственных почетных граждан или обедневших дворян, чей образовательный уровень колебался между начальным и средним образованием. Карьера рядовых архивистов была вполне заурядна и шла по накатанной колее. Так, дворяне и потомственные почетные граждане, имевшие высшее или среднее образование, работали в городском архиве и С.-Петербургском (Петроградском) университете, выходцы из военслужущих, оканчивая военно-учебные заведения, – в полицейском архиве, а представители духовного сословия после духовной семинарии – в архиве С.-Петербургской духовной консистории.

Уровень благосостояния рядовых архивистов, как правило, обремененных семьей, соответствовал окладам низших чинов государственных служащих, фельдшеров, земских учителей младших классов, санитаров, библиотекарей, квалифицированных рабочих, т.е. около 20–40 руб. в месяц⁹⁹. Данная сумма составляла примерный прожиточный минимум в столице. Это означает, что у рядовых архивистов на удовлетворение духовных потребностей и лечение оставалась совсем ничтожная часть их бюджета. Подавая очередное прошение на выдачу пособия, петербургский (петроградский) архивист, как, например, П.В. Панков в 1915 г., вполне мог заявить: «...в настоящее время, не имея на руках в полном смысле слова ни копейки, я не могу уплатить за квартиру, за забранные в лавке в истекший месяц продукты и, несмотря на болезнь – хронический ревматизм, малокровие и боли в области сердца, я не имею возможности не только лечиться, но даже посетить врача»¹⁰⁰. По своему статусу рядовые архивисты подчас попадали под определение чиновников как «умственных пролетариев», о чем писал в своих воспоминаниях беллетрист и общественный деятель К.Ф. Головин¹⁰¹.

В лучшем положении находились заведующие архивами и их помощники, получавшие жалованье на уровне учителей старших классов мужских и женских гимназий и «рабочей аристократии» (профессиональных токарей, слесарей, мастеров, бригадиров) (80–100 руб. в месяц), а при определенных условиях – как заведующие земскими больницами (125 руб. в месяц)¹⁰². Для них архивная служба оказалась социальным лифтом, который в дальнейшем позволял продвигаться по карьерной лестнице. Даже выходцы из непривилегированных слоев и те, кто имел домашнее образование, например И.М. Пахомов, могли служить в архиве С.-Петербургского университета¹⁰³, достигать карьерных высот в виде должности заведующего архивом, о чем свидетельствует биография колпинского мещанина П.Ф. Дерягина¹⁰⁴, и даже чина статского советника, как это было с П.Г. Безсоновым¹⁰⁵. При этом заведующие архивами и их помощники, подобно руководителям иных учреждений, хотя и не подчинялись строгому распорядку дня, но были чрезмерно загружены и работали по 10–12 часов в день. Некоторые чиновники видели своих детей только спящими, другие же не решались завести семью и завершали жизненный путь одинокими и больными¹⁰⁶. Несмотря на некоторое повышение содержания в годы Первой мировой войны, уровень жизни архивистов, как и прочих жителей Петрограда, заметно снизился. Как следует из доклада начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева в особый отдел Департамента полиции о продовольственном кризисе, настроении масс и деятельности различных политических партий в октябре 1916 г., «экономическое положение массы, несмотря на огромное увеличение заработной платы, более чем ужасно. В то время как заработная плата у массы поднялась всего на 50 %, и лишь у некоторых категорий (слесаря, токаря, монтеры) на 100–200 %, цены на все продукты возросли на 100–500 %»¹⁰⁷.

При этом петербургский архивист, бесконечно влюбленный в свою профессию, стремился к профессиональным достижениям, о чем свидетельствуют встречающиеся характеристики. Так, при поступлении на должность архивиста Канцелярии попечителя С.-Петербургского учебного округа И.И. Белецкого

в 1909 г. соискатель определялся как «дельный, знающий, усердный, добросовестный и аккуратный работник. В нравственном отношении безукоризненно честный и порядочный человек»¹⁰⁸. При назначении П.В. Панкова на должность заведующего межевым архивом в 1917 г. указано следующее: «...весьма внимательно относится к делам межевого архива и постоянно помогает землемерам в розыске прежних дел, что очень важно в спорных делах... Со времени вступления в межевой архив, имея к тому особое призвание, занялся приведением в порядок дел архива с 1811 г. по настоящее время, избрав для сего карточную систему. По этой системе им подобраны имущества, относящиеся к одному табельному номеру, что значительно облегчает подыскивание архивных дел, требующихся для участковых землемеров по выяснению излишних и недостающих земель в частновладельческих дворах, измеряемых ими»¹⁰⁹. В том же 1917 г. при назначении В.К. Домашевского на должность архивиста Петроградского окружного суда он характеризовался как специалист, обладавший прекрасными служебными качествами, исполнительный и аккуратный работник, с большой энергией и трудоспособностью, а также «добросовестностью при исполнении своих обязанностей»¹¹⁰. Именно те архивисты, которые работали в петербургских архивах в конце XIX – начале XX в., заложили основу советской архивной школы, а их деятельность способствовала сохранению документов, находящихся ныне в ЦГИА СПб.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 513 «Петроградская городская управа». Оп. 2. Д. 49. Л. 25.

² ПСЗ-2. Т. 51. № 56784. Штаты и таблицы.

³ ЦГИА СПб. Ф. 569 «Управление петроградского градоначальства и столичной полиции». Оп. 17. Д. 619. Л. 3 об.

⁴ Там же. Ф. 513. Оп. 168. Д. 526. Л. 97.

⁵ См., напр.: Справочная книжка по С.-Петербургскому городскому общественному управлению на 1906. СПб., 1906. С. 55, 75–76, 87.

⁶ Подробнее о Прохорове Федоре Федоровиче (1873 – после 1915) см.: ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 163. Д. 1635. Л. 1, 2 об., 4–4 об., 8 об.– 14, 16, 17, 23–24, 26–26 об., 29; о Грацианском Константине Ивановиче (1849–1919) см.: Д. 497. Л. 1–4 об., 12–15, 21.

⁷ Подробнее о Ферри-де-Пиньи Евгении Ивановиче (1827–1909) см.: Там же. Оп. 165. Д. 215-а. Л. 1, 7 об.– 11, 16–17, 24, 57, 79, 113 об., 116, 125–126, 129–130; о Климове Иване Ивановиче (1872–1916) см.: Ф. 19 «Петроградская духовная консистория». Оп. 127. Д. 2265. Л. 138 об.– 139; Ф. 513. Оп. 164. Д. 799. Л. 8, 24, 26–27, 29, 38–39, 57; Оп. 166. Д. 379. Л. 1; Оп. 173. Д. 456. Л. 3; о Дерягине Петре Федоровиче (1888 – после 1917)

см.: Ф. 19. Оп. 127. Д. 2297. Л. 450 об.– 451; Д. 3659. Л. 2 об.– 3; Ф. 513. Оп. 163. Д. 575. Л. 5, 7–8, 10, 30, 33, 38; Оп. 173. Д. 456. Л. 1.

⁸ Подробнее о Дитмаре Максимилиане Александровиче (?–1917) см.: Там же. Ф. 19. Оп. 127. Д. 1274. Л. 414 об.– 415; Ф. 513. Оп. 166. Д. 226. Л. 1, 9–9 об., 11 об.– 13; Весь Петербург на 1914 г.: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. СПб., 1914. Ч. 3. С. 201; о Панкове Петре Васильевиче (1864 – после 1917) см.: ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 163. Д. 1488. Л. 1–2, 4–5, 7, 9, 13, 19, 23–25, 30.

⁹ Подробнее о Махове Николае Михайловиче (1861–1918) см.: ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 164. Д. 1117. Л. 1, 3 об., 5–6 об., 27–28, 31, 80, 86–87; Оп. 166. Д. 518. Л. 6, 8, 11, 43; Оп. 168. Д. 536. Л. 3–25, 75; Д. 540. Л. 1–2, 5; Ф. 792 «Петроградская городская дума». Оп. 1. Д. 8827. Л. 1; о Львове Николае Николаевиче (1890–1915) см.: Ф. 513. Оп. 164. Д. 1050. Л. 1–2, 4, 14, 18, 24, 27, 33 об.– 35, 41, 46; Оп. 168. Д. 550. Л. 17; о Морошкине Григории Ивановиче (?–1909) см.: Оп. 163. Д. 575. Л. 5–6; Оп. 165. Д. 137-б. Л. 1, 11, 42.

¹⁰ Подробнее о Пахомове Иване Михайловиче (1812–1868) см.: Там же. Ф. 14 «Императорский Петроградский универси-

тет». Оп. 1. Д. 6602. Л. 4, 12 об. – 17, 27–28, 32; о Елизове Александре Дмитриевиче (1832 – после 1877) см.: Д. 7088. Л. 1–2 об., 8, 32, 34-а; о Безсонове Петре Гавриловиче (1846–1917) см.: Д. 7813. Л. 7 об. – 9, 20, 27, 37–39, 42, 57, 67, 90 об. – 93 об., 95, 104, 141; о Воронове Андрее Петровиче (1864–1912) см.: Д. 8804. Л. 1, 4–5, 7–8, 23, 25, 32, 54, 56, 61, 65, 75, 84, 88–89, 97, 104, 111–113, 115, 117, 122–124 об.; Ф. 19. Оп. 127. Д. 2717. Л. 38 об. – 39; Ф. 119 «Императорский археологический институт в Петрограде». Оп. 1. Д. 285. Л. 45; Ф. 513. Оп. 17. Д. 84. Л. 4–5 об., 14–17; Весь Петербург на 1901 г. ... 1901. Ч. 3. С. 116; Весь Петербург на 1904 г. ... 1904. Ч. 3. С. 132; *Хорхордина Т.И.* История архивоведческой мысли. М., 2012. С. 137–141; о Воронове Георгии Петровиче (1855–1918) см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9856. Л. 1–2, 4, 10–12, 20, 23, 43–45; Ф. 19. Оп. 127. Д. 3556. Л. 193 об. – 194; Весь Петроград на 1917 г.: Адресная и справочная книга Петрограда. Пг., 1917. Ч. 3. С. 138.

¹¹ Подробнее о Горлове Иване Григорьевиче (1860–1918) см.: ЦГИА СПб. Ф. 8 «Петроградский дом защиты детей». Оп. 3. Д. 593. Л. 1, 4, 24, 26, 33 об. – 34, 42, 70–71, 73–73 об., 81–81 об.; Ф. 19. Оп. 127. Д. 3549. Л. 302 об. – 303; Весь Петербург на 1905 г. ... 1905. Ч. 3. С. 169; о Базилевском Владимире Антоновиче (? – после 1917) см.: ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 3. Д. 1175. Л. 1, 3, 15–15 об.; Весь Петроград на 1917 г. ... С. 38.

¹² Подробнее о Белецком Иване Ивановиче (1877–1911) см.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2567. Л. 552 об. – 553; Ф. 139 «Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа». Оп. 1. Д. 15933. Л. 3–9, 12, 16–19.

¹³ Подробнее о Львове Викторе Александровиче (1868 – после 1917) см.: Там же. Ф. 19. Оп. 115. Д. 1096. Л. 2 об. – 8, 23, 46; Весь Петербург на 1910 г. ... 1910. Ч. 3. С. 511; Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1916 г. Пг., 1916. Ч. 1. С. 1342; о Пескове Сергее Павловиче (1872 – после 1917) см.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 1408-а. Л. 1, 3 об. – 4 об.; Весь Петербург на 1902 г. ...

1902. Ч. 3. С. 483; Весь Петроград на 1917 г. ... С. 526; Списки клира церквей Петроградской епархии на 1917 г. URL: <https://petergen.com/bovkalokl/spburgmmmo.html>; о Знаменском Матвее Николаевиче (1873–1913) см.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 677. Л. 1 об. – 2; Оп. 127. Д. 2913. Л. 156 об. – 157; Весь Петербург на 1906 г. ... 1906. Ч. 3. С. 256; Весь Петербург на 1907 г. ... 1907. Ч. 3. С. 271; Весь Петербург на 1908 г. ... 1908. Ч. 3. С. 289; Списки клира церквей Петроградской епархии на 1917 г.

¹⁴ Подробнее о Назорове Александре Васильевиче (1870 – после 1917) см.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2229. Л. 76 об. – 77; Д. 2241. Л. 186 об. – 187; Д. 3323. Л. 215 об. – 216; Ф. 569. Оп. 27. Д. 830. Л. 1, 10 об., 14–14 об., 16, 19, 30 об., 36, 40, 43–43 об., 50 об. – 51, 57, 104–105, 109, 111, 117; Весь Петербург на 1907 г. ... С. 490; Весь Петроград на 1917 г. ... С. 476; *Румянцев А.Г.* История Петербургского (Петроградского) полицейского архива (1838–1917 гг.) // Отечественные архивы. 2020. № 5. С. 17–29; о Лютовском Петре Александровиче (1868 – после 1917) см.: ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 729. Л. 1, 10 об. – 11, 40, 42, 81–82, 90; Весь Петроград на 1917 г. ... С. 416; о Подгородникове Владимире Васильевиче (1870–1917) см.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3495. Л. 345 об. – 346; Ф. 569. Оп. 27. Д. 960. Л. 2, 5, 7, 9, 30–31 об., 41, 71, 83, 87-а – 88, 90 об. – 91, 116, 120, 124, 128–129; Весь Петроград на 1917 г. ... С. 541.

¹⁵ Подробнее о Домашевском Вадиме Константиновиче (1884 – после 1917) см.: ЦГИА СПб. Ф. 225 «Петроградский окружной суд». Оп. 1. Д. 13421-а. Л. 1, 2 об. – 3, 5; Весь Петроград на 1916 г. ... 1916. Ч. 3. С. 214.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 3. Д. 593. Л. 1; Д. 1175. Л. 1; Ф. 14. Оп. 1. Д. 6602. Л. 12 об.; Д. 7813. Л. 7 об.; Ф. 225. Оп. 1. Д. 13421-а. Л. 2 об. – 3; Ф. 513. Оп. 164. Д. 1050. Л. 33 об.; Оп. 165. Д. 215-а. Л. 7 об.; Ф. 569. Оп. 27. Д. 729. Л. 1, 40.

¹⁷ Там же. Ф. 19. Оп. 115. Д. 677. Л. 1 об. – 2; Д. 1096. Л. 2 об.; Д. 1408-а. Л. 3 об.; Ф. 139. Оп. 1. Д. 15933. Л. 16–17; Ф. 513. Оп. 163. Д. 497. Л. 3.

¹⁸ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7088. Л. 2; Д. 8807. Л. 124 об.; Д. 9856. Л. 11; Ф. 569. Оп. 27. Д. 960. Л. 1, 90 об. – 91.

¹⁹ Там же. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2265. Л. 138 об. – 139; Ф. 513. Оп. 164. Д. 1117. Л. 27.

²⁰ Там же. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3659. Л. 2 об. – 3; Ф. 513. Оп. 163. Д. 1635. Л. 8 об.

²¹ Там же. Ф. 513. Оп. 163. Д. 1488. Л. 1; Ф. 569. Оп. 27. Д. 830. Л. 45–47 об.

²² Там же. Ф. 513. Оп. 165. Д. 137-б. Л. 1.

²³ Там же. Ф. 8. Оп. 3. Д. 1175. Л. 15 об.; Ф. 14. Оп. 1. Д. 8807. Л. 1, 8; Ф. 513. Оп. 163. Д. 497. Л. 3; Д. 1635. Л. 1, 4 об.

²⁴ Там же. Ф. 225. Оп. 1. Д. 13421-а. Л. 2 об. – 3; Ф. 513. Оп. 164. Д. 1050. Л. 33 об.; Ф. 569. Оп. 27. Д. 830. Л. 14–14 об.

²⁵ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9856. Л. 10–11.

²⁶ Там же. Ф. 513. Оп. 163. Д. 1488. Л. 4–4 об.; Оп. 165. Д. 215-а. Л. 7 об.

²⁷ Там же. Ф. 19. Оп. 115. Д. 677. Л. 1 об. – 2; Д. 1096. Л. 2 об.; Д. 1408-а. Л. 3 об.; Ф. 139. Оп. 1. Д. 15933. Л. 18–19.

²⁸ Там же. Ф. 513. Оп. 164. Д. 799. Л. 27; Д. 1117. Л. 5.

²⁹ Там же. Ф. 8. Оп. 3. Д. 593. Л. 24; Ф. 14. Оп. 1. Д. 6602. Л. 12 об.; Д. 7088. Л. 2; Д. 7813. Л. 7 об.; Ф. 569. Оп. 27. Д. 960. Л. 90 об. – 91.

³⁰ Там же. Ф. 569. Оп. 27. Д. 729. Л. 11.

³¹ ПСЗ-2. Т. 46. № 49551.

³² ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 830. Л. 30 об., 36, 40, 50 об. – 51, 109; Д. 729. Л. 1, 3–3 об., 10 об. – 11, 42, 81–81 об.; Д. 960. Л. 2, 5, 7, 87-а – 88, 90 об. – 91.

³³ Там же. Ф. 513. Оп. 165. Д. 215-а. Л. 7 об. – 12, 16–17.

³⁴ Там же. Оп. 163. Д. 1488. Л. 1–2, 29–30; Оп. 164. Д. 799. Л. 27, 38; Оп. 166. Д. 226. Л. 11 об. – 12.

³⁵ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6602. Л. 9 об., 12 об. – 16; Д. 9856. Л. 1 об., 11–12.

³⁶ Там же. Д. 7813. Л. 20, 42, 92 об.

³⁷ См.: *Воронов А.П.* Архивоведение: Конспекты лекций, читанных в С.-Петербургском археологическом институте. СПб., 1904.

³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8807. Л. 1, 88–88 об., 112.

³⁹ Там же. Ф. 19. Оп. 115. Д. 1096. Л. 2 об. – 5, 46; Д. 1408-а. Л. 1, 3 об.; Д. 677. Л. 1 об. – 2.

⁴⁰ Там же. Ф. 513. Оп. 163. Д. 497. Л. 1–4 об., 12–15, 21.

⁴¹ Там же. Оп. 164. Д. 1117. Л. 1, 3–4.

⁴² Там же. Оп. 163. Д. 1635. Л. 8 об. – 14.

⁴³ Там же. Л. 2 об. – 3.

⁴⁴ Там же. Л. 4–4 об., 26–26 об., 125.

⁴⁵ ПСЗ-2. Т. 20. № 18580. Ст. 281–302.

⁴⁶ *Кольшиницына Н.В.* Обзор документов фонда Петроградского археологического института // Вестн. архивиста. 2010. № 4. С. 205–219.

⁴⁷ К примеру, функции служащих С.-Петербургской конторы Государственного банка в начале XX в. пополнились приемом документов после введения особых расписок в получении клиентами конторы процентов по вкладам. (См.: *Морозан В.В.* Особенности службы в архиве С.-Петербургской конторы Государственного банка в начале XX в. // Там же. 2020. № 2. С. 481.)

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 3. Д. 116. Л. 16.

⁴⁹ Там же. Оп. 164. Д. 799. Л. 43–43 об.

⁵⁰ Там же. Д. 1117. Л. 83–83 об.; Оп. 166. Д. 2–3; Ф. 792. Оп. 1. Д. 8827. Л. 1–1 об.

⁵¹ Подробнее см.: *Румянцев А.Г.* Деятельность «особых комиссий по разбору дел» городского архива Санкт-Петербурга (1856–1914 гг.) // Отечественные архивы. 2019. № 5. С. 3–13.

⁵² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9856. Л. 41–42.

⁵³ См.: *Морозан В.В.* Указ. соч. С. 483–487.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 163. Д. 1635. Л. 2 об. – 3.

⁵⁵ Там же. Оп. 165. Д. 215-а. Л. 66 об.; Оп. 166. Д. 226. Л. 14.

⁵⁶ Там же. Оп. 163. Д. 1635. Л. 8 об.

⁵⁷ Там же. Д. 575. Л. 1; Д. 1488. Л. 7, 19; Оп. 165. Д. 137-б. Л. 3, 20–20 об.

⁵⁸ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6602. Л. 10; Д. 7088. Л. 31 об.; Д. 8804. Л. 124 об.

⁵⁹ Там же. Ф. 19. Оп. 115. Д. 677. Л. 1 об. – 2; Д. 1096. Л. 2 об., 3 об.; Д. 1408-а. Л. 3 об.

⁶⁰ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7813. Л. 78.

⁶¹ ПСЗ-3. Т. 7. № 4428. Штаты и таблицы.

⁶² ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 173. Д. 456. Л. 1, 3.

- 63 Там же. Оп. 163. Д. 497. Л. 3.
- 64 Там же. Ф. 569. Оп. 17. Д. 467. Л. 5.
- 65 О подобном положении архивистов Государственного банка см.: *Морозан В.В.* Архивариусы Государственного банка Российской империи. 1860–1917 гг. // Вестн. архивиста. 2019. № 1. С. 180–181.
- 66 *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. М., 2012. С. 413, 415.
- 67 К примеру, городской архивист Н.М. Махов при годовом окладе 3090 руб. с 1912 г. получал пенсию в размере 1545 руб. в год. (См.: ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 166. Д. 518. Л. 2, 8.)
- 68 Там же. Оп. 165. Д. 215-а. Л. 100–101 об., 112 об. – 113, 117–118, 121, 131; Ф. 792. Оп. 1. Д. 8975. Л. 1–3.
- 69 Там же. Ф. 513. Оп. 164. Д. 1117. Л. 33–34 об., 36–46 об., 48–53 об., 57–60 об., 65–65 об., 71–73, 75–76 об., 78–79, 84–85.
- 70 Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7813. Л. 93 об.
- 71 Там же. Ф. 513. Оп. 165. Д. 215-а. Л. 7 об.
- 72 Там же. Оп. 164. Д. 1050. Л. 33 об.
- 73 Весь Петербург на 1914 г. ... С. 540.
- 74 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 163. Д. 1488. Л. 2, 9, 19, 23.
- 75 Там же. Ф. 8. Оп. 3. Д. 593. Л. 70.
- 76 Там же. Ф. 513. Оп. 165. Д. 215-а. Л. 1, 113 об., 125–126.
- 77 Там же. Оп. 163. Д. 497. Л. 2, 18.
- 78 Там же. Оп. 164. Д. 799. Л. 26, 39, 57.
- 79 Там же. Оп. 166. Д. 226. Л. 1; Весь Петербург на 1914 г. ... С. 201.
- 80 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 164. Д. 1117. Л. 31; Оп. 166. Д. 518. Л. 11, 43.
- 81 Весь Петроград на 1917 г. ... С. 476.
- 82 Весь Петербург на 1901 г. ... С. 46.
- 83 ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9856. Л. 12; Весь Петербург на 1901 г. ... С. 116; Весь Петербург на 1904 г. ... С. 132.
- 84 Буяном назывались торговая пристань, складочное место с городскими амбарами для выгрузки пеньки, льна, сала и пр.
- 85 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 1. Д. 279. Л. 1–2; Оп. 168. Д. 545. Л. 43–43 об., 164–167; Изв. Санкт-Петербургской городской думы. 1911. № 47. С. 1857–1860; 1912. № 10. С. 2378–2390; 1913. № 15. С. 3620–3627.
- 86 Подробнее см.: *Румянцев А.Г.* Размещение документов органов городского общественного управления Санкт-Петербурга–Петрограда в конце XIX – начале XX в. // Отечественные архивы. 2019. № 1. С. 6–16.
- 87 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 165. Д. 215-а. Л. 112 об. – 113.
- 88 Там же. Оп. 121. Д. 98. Л. 250–250 об.; см. также: *Высоцкий И.П.* С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. 1703–1903: Краткий исторический очерк. СПб., 1903. С. 307–308; *Румянцев А.Г.* История Петербургского (Петроградского) полицейского архива... С. 17–29.
- 89 Так, сухой и пыльный воздух в помещениях Государственного банка приводил к болезням дыхательных путей, а плохое освещение портило зрение архивистов. (См.: *Морозан В.В.* Архивариусы Государственного банка Российской империи... С. 182.)
- 90 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 165. Д. 215-а. Л. 81, 116.
- 91 Там же. Оп. 164. Д. 1117. Л. 80.
- 92 Там же. Оп. 163. Д. 575. Л. 30; Оп. 166. Д. 518. Л. 3.
- 93 Там же. Оп. 163. Д. 1488. Л. 9.
- 94 Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7813. Л. 67, 141; Д. 8804. Л. 32, 111; Ф. 513. Оп. 164. Д. 799. Л. 29; Д. 1050. Л. 24; Д. 1117. Л. 80.
- 95 Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6602. Л. 32.
- 96 Там же. Ф. 8. Оп. 3. Д. 593. Л. 42, 73–73 об., 81–81 об.
- 97 *Бунин И.А.* Архивное дело // *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 6 т. М., 1988. Т. 4. С. 35–43.
- 98 Подробнее об образе архивиста в литературе см.: *Черкасов И.А.* Образ архивиста в русской литературе XIX – первой трети XX в. // Отечественные архивы. 2010. № 1. С. 3–9.
- 99 Подробнее см.: Цены и зарплаты в Царской России: URL: <https://historical-fact.livejournal.com/59968.html/> Как показывают данные заработной платы рабочих машиностроительного завода «Я.М. Айваз», в годы Первой мировой войны молодобойцы и чернорабочие получали 2 руб. 20 коп. в день (около 45 руб. в месяц), разнорабочие – 1 руб. 90 коп. в день (около 40 руб.

- в месяц), женщины – 1 руб. 40 коп. в день (около 30 руб. в месяц). (См.: ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 166.)
- 100 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 163. Д. 1488. Л. 23.
- 101 *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. СПб., 1999. С. 123–124.
- 102 Подробнее см.: Цены и зарплаты в Царской России... Как показывают данные заработной платы рабочих машиностроительного завода «Я.М. Айваз», в годы Первой мировой войны относящиеся к «рабочей аристократии» лекальщики получали 12 руб. в день (около 240 руб. в месяц), токарки – 7 руб. в день (около 140 руб. в месяц), кузнецы – 5 руб. в день (около 100 руб. в ме-
- сяц), слесари – 4 руб. в день (около 80 руб. в месяц). (См.: ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 166.)
- 103 ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6602. Л. 9 об., 12 об. – 16.
- 104 Там же. Ф. 513. Оп. 163. Д. 575. Л. 1, 7–8, 33, 38.
- 105 Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7813. Л. 20, 42, 92 об., 93 об.
- 106 *Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С. 125–126.
- 107 Красный архив. 1926. Т. 17. С. 10–11.
- 108 ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15933. Л. 3–3 об.
- 109 Там же. Ф. 513. Оп. 163. Д. 1488. Л. 25, 28–28 об.
- 110 Там же. Ф. 225. Оп. 1. Д. 13421-а. Л. 4.

Список литературы

1. *Колышницына Н.В.* Обзор документов фонда Петроградского археологического института // Вестн. архивиста. 2010. № 4. С. 205–219.
2. *Морозан В.В.* Архивариусы Государственного банка Российской империи. 1860–1917 гг. // Вестн. архивиста. 2019. № 1. С. 176–188.
3. *Морозан В.В.* Особенности службы в архиве С.-Петербургской конторы Государственного банка в начале XX в. // Вестн. архивиста. 2020. № 2. С. 478–492.
4. *Румянцев А.Г.* Деятельность «особых комиссий по разбору дел» городского архива Санкт-Петербурга (1856–1914 гг.) // Отечественные архивы. 2019. № 5. С. 3–13.
5. *Румянцев А.Г.* История Петербургского (Петроградского) полицейского архива (1838–1917 гг.) // Отечественные архивы. 2020. № 5. С. 17–29.
6. *Румянцев А.Г.* Размещение документов органов городского общественного управления Санкт-Петербурга–Петрограда в конце XIX – начале XX в. // Отечественные архивы. 2019. № 1. С. 6–16.
7. *Хорхордина Т.И.* История архивоведческой мысли. М., 2012.
8. *Черкасов И.А.* Образ архивиста в русской литературе XIX – первой трети XX в. // Отечественные архивы. 2010. № 1. С. 3–9.
9. *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. СПб., 1999.